

В относительно глубоко модернизированном обществе идеалистическое поведение было довольно неожиданным. Им финны вызвали удивление и восхищение в мире. Это, как кажется, в Финляндии было ожидаемым. «Быть маленьким народом великое дело», как афористично выразился Вейо Мери.

Однако все могло пойти иначе. Если бы Москва распорядилась своими талантами лучше и смогла разделить народ Финляндии надвое, свежие раны 1918 г., вероятно, снова бы открылись. Так как агрессор допустил, однако, все возможные ошибки, он утратил и ту малую веру в себя, которая в Финляндии еще была в относительно широких левых кругах. Никто не верил в басни о свободе и независимой Финляндии при Куусинене, хотя та и получила Восточную Карелию. Изображение Красной армии как пришедшей на помощь по приглашению этого правительства и бескорыстной помощницы финляндской революции полностью не соответствовало той действительности, которую все могли видеть вокруг себя. Большая московская басня для финнов ударила прямо в сердце публики. В конце концов, этот всеобщий гнев привел к решению, что альтернативы борьбе нет.

Контрудар империи

В 2010 г. в Петербурге вышла примечательная книга «Зимняя война в документах НКВД». Помимо кратких введения и заключения она содержит сотню страниц докладов об антисоветских кругах Финляндии и отношениях страны с Германией. Помимо этого в книге примерно 150 страниц чисто оперативных, местного характера документов периода войны и два десятка страниц пропагандистских материалов. Части книги никак не связаны между собой. Их объединяет только то, что они «отрыты» из архива «Большого дома», т. е. петербургского ФСБ.

Наиболее интересными представляются рапорты о Финляндии 1930-х гг. Помимо предисловия и заключения они на самом деле являются единственным заслуживающим интереса материалом, т. к. рапорты Ленинградского НКВД рассказывают только о местной рутинной работе и ограничиваются примыкающими к Терийокам территориями. В сравнении с опубликованными в 2009 г. в совместной финско-русской книге адресованными Сталину и Ворошилову рапортами они довольно незначительны и просто убийственно однообразны. Не будет ошибочным

утверждение, что целью издания была именно публикация документов 1930-х гг., чтобы «дать перспективу» возникновению войны. Остальное — дополнение.

Подготовленный в 1934 г. обзор «антисоветских контрреволюционных „племенных“ организаций» начинается прямо с рассказа о том, что ни у кого в данный момент не может быть сомнений, что Финляндия всесторонне готовится к войне против Советского Союза. Надежды, как утверждалось, особенно возлагались на конфликты Японии, а также Германии и Польши со «Страной Советов». Целью был отрыв от соседней страны Восточной Карелии и Ингрии, а максимально — перенесение границ вплоть до Урала... В обзоре перечислялись все подтверждающие эту точку зрения обстоятельства и упоминалось поименно большое количество лиц. Списки имен — центральный элемент обзора, и они, пожалуй, были предназначены для оперативной работы. Большого, чем распределение по спискам, разработчиками обзора сделано не было. Вероятно, те погубленные финские перебежчики и другие переселенцы, которые в 1930-е гг. были казнены в Советском Союзе, оказавшиеся под диктовку следователей объектами обвинения в шпионаже, были осуждены именно с помощью этого компрометирующего материала.

Опубликованный в книге полностью обзор осуществляющейся с территории Финляндии деятельности, направленной против Советского Союза, доводится до 1936 г. Так называемая «Большая ненависть», антифинская операция, проводившаяся в рамках Большого террора, началась в следующем году. «Германская деятельность в Финляндии» представлена в датированном 13 июля 1939 г. докладе, который появился фактически на заре пакта Молотова-Риббентропа.

Приготовление теорий тайных союзов было экспертной сферой центрального аппарата НКВД. Их в марте 1937 г. авторитетно развивал сам Сталин. По мнению генерального секретаря, когда видишь проблемы и катастрофы, то первым делом возникает вопрос: «Нет ли за этим вражеской руки?» На самом деле, опубликованные в этой книге рапорты даже не ставят никаких вопросов, они удовлетворяются перечислением возможно компрометирующих материалов, характер которых становится ясным уже из того, что они исчерпываются этими перечислениями. Об анализе говорить затруднительно, но едва ли они были для этого предназначены. Анализ, разумеется, был делом высшего руководства.

Из характера дела становится ясным, что рапорты предполагают, будто у финнов не было никаких оснований протестовать,

например, против проводившейся в Ингрии и Восточной Карелии политики уничтожения народов. Ссылки на виновность Советского Союза в некоторой степени присутствуют в текстах, но всегда в кавычках, что, пожалуй, было довольно мудрым поступком их авторов с точки зрения собственной безопасности. Свобода прессы и вообще демократические институты, такие как независимая судебная власть, не получали у авторов рапортов никакого понимания. Если желаемые для соседа условия обмена не принимались, виновником было враждебное правительство. Подход авторов рапортов напоминает печально известную методiku «исследования», поскольку события остаются без контекста, а собственное развитие Советского Союза не представляется дающим повод к чему-то иному, кроме укрепления доверительных добрососедских отношений. Следует помнить, что те органы, которые заботились о подготовке рапортов, уничтожили в то же время миллионы людей, в том числе и большую часть высших офицеров, которых обвинили в сотрудничестве с Германией. Головы чекистов в то время тоже сидели на плечах непрочно, и можно понять, почему они даже не пытались говорить правду высшему руководству.

Несмотря на это, вызывает удивление, что Финляндию считали сближающейся с Германией в 1939 г., тогда как у самого Гитлера было совершенно иное представление об этом. Поездки в Германию министров (Таннер, Саловаара, Кекконен, Ханнула) и, кроме того, поездки военных (вплоть до уровня лейтенантов) без колебаний считались доказательствами прогерманской ориентации. Естественно, на удивление красиво отозвавшийся о германской армии известный англофил министр иностранных дел Эркко клеймился как сочувствующий нацистам.

Искавленное зеркало внешней разведки, конечно же, нельзя считать подлинной картиной политики Советского Союза в отношении Финляндии. Так едва ли считало даже высшее руководство, у которого в распоряжении, правда, были и другие материалы.

Это публикаторы понимали, и в предисловии к книге попытались критически проанализировать публикуемые материалы. Результат во многих местах компетентный, но не лишен некоторых серьезных недостатков. Важнейшим из них является то, что они остаются пленниками односторонних источников, и контекст времени учитывается недостаточно. Поразмывляем о возможном визите Литвинова в Финляндию в 1938 г., или переговорах с Ярцевым об обмене территориями, или заключении Договора о помощи и дружбе в то время, как президент Кекконен размышлял о нем

в свое время и который он представлял как альтернативу Зимней войны. Было бы ненормально, если каким-то образом они бы вызвали серьезные демонстрации или протесты, т. к. тысячи финнов в Советском Союзе еще совсем недавно были убиты, а почти двести тысяч говоривших по-фински людей разом лишились всех языковых и национальных прав. Эта сторона дела во вводной статье упоминается только когда речь идет о «карельской и ингерманландской проблемах», которые в то время были особенно болезненными. У не знакомого с темой читателя останется впечатление, что дело касалось их присоединения к Финляндии. «Сближение с Германией», о котором говорилось в рапорте 1939 г., по мнению авторов, не означало влияния нацистской идеологии в Финляндии, но, кажется, они верили, что на государственном уровне такое происходило. Общественное мнение Финляндии именно в то время единодушно сравнивало уничтожившую Чехословакию и подавлявшую прессу Германию с Советским Союзом. Сама мысль о прогерманской ориентации красно-черного правительства (социал-демократы и Аграрный союз) — чистая фантастика. Ошибочно утверждение, что Финляндия не согласилась бы на изменение линии границы на Карельском перешейке. Ключевым вопросом ведь был вопрос об устье Финского залива.

В заключении рассматривается довольно компетентно и с пониманием позиция Финляндии после Зимней войны. Из-за своей агрессии Советский Союз теперь действительно получил потенциально опасного соседа, альтернатив у которого почти не было. Когда Германия осенью 1940 г. наконец-то согласилась стать защитницей Финляндии, проблемы выбора не было. Нужно только представить себе реакцию народа на возможную промосковскую ориентацию. Начало войны-продолжения, однако, представлено в этой работе несколько удивительно. В ней утверждается, что вечернее заседание эдускунты (парламента) 25 июня 1941 г. «имело большое значение для дальнейшего хода событий». Действительно, эдускунта констатировала, что страна находится в состоянии войны. Но в книге обходится стороной тот факт, что это заседание было созвано непосредственно после нанесения Советским Союзом массированного воздушного налета, который, конечно, имел решающее значение. На данный момент стоит обратить внимание, т. к. не знакомый с темой читатель не поймет его без контекста. Такой способ представлять дела может завести намного дальше в искажении истории, что ныне в России запрещено законом, поскольку наносит вред интересам страны.

Уместно спросить, представляют ли эти грубые методы упомянутые интересы.

Как бы там ни было, распространяемая тиражом в 2000 экземпляров книга предлагает много примеров такого некритичного истолкования истории, в котором Зимняя война понимается как рациональная, если не необходимая политика советского руководства. Это достойно сожаления, т. к. авторы явно способны на лучшее. Вводная и заключительная статьи свидетельствуют о начитанности, даже написание финских имен в целом правильное, правда, иное, чем в документах.

Как пикантную деталь стоит упомянуть, что в обзоре 1936 г. используется термин «освободительная война», когда речь идет о событиях 1918 г.

Информация и мнения в национальной памяти

Говорят, что историю можно понять только смотря в сторону минувшего, но, к сожалению, люди обречены это делать только смотря вперед. Такова жизнь человека, с течением времени дела оценивают исходя из новой перспективы, но при этом те утрачивают свой первоначальный характер. Когда события прошлого в свете новой информации постепенно наполняются иным значением, элементы прежней действительности уничтожаются и уступают место новым. Результатом может оказаться миф, который был бы совсем не ведом жившим в свое время людям. Новая конструкция может быть основана на значительно лучшем знании действительности того времени, о котором идет речь, чем то, которым тогда обладали люди, но если она не способна передать потребителю правильное представление именно о мире человека того времени, она становится вводящей в заблуждение. У современности всегда своя собственная очередность и собственные верования, и они всегда отличаются от тех, которые были в прошлом. Историк должен понимать это очень чутко, чтобы не впасть в заблуждения.

Хорошим примером созданной историей конструкции является холокост. Вторая мировая война сейчас почти всегда изучается исключительно с такой перспективы, в которой холокост занимает особо значимое место. Вопросы о победах и поражениях Гитлера рассматриваются во все большей степени через призму холокоста, и эта перспектива постоянно распространяется и на время до прихода Гитлера к власти.